Рисунок Марины Медведевой

Митя заметил их издалека. Девушку и высокого черного парня. На ней был купальник с черным верхом и синим низом, видимо, от разных комплектов. Она была очень ладная, худенькая и с таким ровным загаром, будто ее поворачивали под солнцем на вертеле. На черном была синяя футболка и свисток — униформа пляжных смотрителей, которые выдавали шезлонги и выставляли в штормовую погоду сигнальные флаги.

Пляж был почти пустой. И когда пара поравнялась с ним, Митя махнул им рукой. Оба остановились.

Девушка улыбнулась и спросила на русском:

— Нравится Куба? Все карашо?

Митя показал большой палец.

— Меня зовут Дора. А это Рауль, — сказала девушка. Глаза у нее были светло-зеленые.

Рауль сказал что-то по-испански.

— Ты долго здесь быть? — перевела Дора.

— Дней пять.

— Он может достать тебе сигар, — сказала Дора, показывая на Рауля. Тот кивнул.

— Очень дешево, — добавила Дора.

— Ладно, — согласился Митя. — Я бы взял коробку «Коибы».

— И ром. Пятнадцать песо — одна бутылка. Это очень дешево. Завтра все привезем.

— Ладно, — снова согласился Митя. — Только завтра я в Гавану уеду.

— У меня бабушка в Гаване, — моментально отреагировала Дора. Каса партикулар. Сентро.

Митя подумал, что она забыла добавить «очень дешево», как Дора тут же сказала:

— Двадцать песо — один день. Очень дешево. У бабушки есть свободная комната для тебя.

Митя заметил, что за все время Рауль не сводил с него глаз и будто прикидывал для каких-то своих дел. Но в конце разговора вдруг достал из кармана чуть погнутую сигару и протянул ему.

— Это подарок, — пояснила Дора.

Митя взял сигару и пожал протянутую Раулем руку. Он подумал о том, что впервые прикасается к черному и еще что у того очень крепкая хватка, словно Рауль давал понять, кто здесь сильнее.

На следующий день Митя поехал в Гавану. Пару часов он потратил на осмотр Капитолия, покрутился в центре и оказался в трущобах. В воздухе стоял запах штукатурки, источаемый разваливающимися зданиями. Под пыльной полуразрушенной аркой мужчины играли в домино. Рядом с ними остановился «москвич», и темнокожий водила немного посмотрел на игру из окна, перекрикиваясь с остальными под дребезжание мотора.

Митя бродил по улицам без всякой цели. Глазел на запущенную роскошь мавританских башен. Заходил в местные бары, чтобы попробовать новый коктейль. В одном из них он встретил русских туристов. Они обсудили несправедливость экономического эмбарго США против Кубы и перешли на женщин. Митя узнал, что на Кубе встречаются три вида мучач: бланкас, мулатас и неграс. Бланкас — самые светлые, неграс — афрокубинки, а мулатас — метиски — бланкас с примесью неграс.

— А к какому типу относится мулата с зелеными глазами? — спросил Митя.

— Я думаю, это хорошо загоревшая бланка, — авторитетно ответили земляки.

Митя представил себя проживающим в этом городе. На реликтовом островке без рекламных вывесок и Интернета. Он бы нашел солнечную комнату с балконом и высокими потолками. Он бы мог выращивать сахарный тростник, возить в раздолбанном «кадиллаке» туристов, торговать марихуаной в подворотнях, катать из табачных листьев сигары или танцевать сальсу...

Когда перевалило за полночь, он начал искать адрес, который дала ему Дора. Но неожиданно встретил ее. Она стояла в компании двух подружек в короткой юбке и золотых босоножках на очень высоком каблуке. Дора узнала его, засмеялась, потянула за руку по мощеным переулкам, сквозь темноту, музыку. От нее пахло сладкими резковатыми духами, которые смешивались с запахами подворотен. Темнота был очень густой и плотной, и ему казалось, что они не идут, а плывут, раздвигая воздух руками. Иногда он терял ее руку, и тогда Дора окликала его кубинским «пссс!»[1].

Наконец они вошли в какой-то подъезд, поднялись по высокой лестнице и оказались в комнате. Посередине стояла массивная кровать. Ставни были открыты, в небе висела луна. У стены стояло огромное мутное зеркало с пятнами разъеденной амальгамы. Высоко под потолком висела бронзовая люстра без ламп.

— Будем спать здесь, — пояснила Дора.

— Вместе? А как же Рауль? — бестолково спросил Митя.

Дора засмеялась.

— Рауль друг! Мы как братья.

Она толкнула его на прохладное, пахнущее порошком белье, наверное, приготовленное для туристов. И Митя нашарил под простыней теплый живот Доры.

Весь следующий день они гуляли по городу. Дора шла в метре от него — полиция не приветствовала кубинок, разгуливающих с иностранцами, — и псыкала всякий раз, когда хотела остановиться. Обычно это случалось у торговых палаток для туристов, где ей требовались солнечные очки, мороженое или аляповатые шлепанцы. Так, обрастая пакетами, они добрались до Малекона и сели на парапете, свесив ноги в сторону моря.

Вдруг Дора тяжело вздохнула и показав, куда-то за горизонт, произнесла:

— Там Флорида. Ты был во Флориде?

— Был.

Дора взглянула на него с интересом.

— А правда, что там каждый человек имеет большой телевизор, телефон и бассейн?

— Ну, про бассейны не знаю. А телефоны, конечно, есть. И телевизоры.

Помолчав, Дора заявила:

— Мы с Раулем хотим туда ехать. У меня там брат, а у него — девушка. Ее увезли родители. Он очень-очень грустит.

Митя посмотрел в сторону предположительной Флориды.

— Разве это не запрещено?

Дора пожала плечами.

— В Майами много наших. Кто-то не доплывает, но если доплыть — можешь работать, покупать дом, бассейн, телевизор.

— А если вас поймают? Береговая охрана, пограничники? — спросил Митя.

— Не проблема. До Флориды двести километров. Шесть часов плыть — очень мало. — И Дора авторитетно добавила: — У нас есть компас.

— А американцы не депортируют вас обратно?

— В Америке есть закон «мокрая и сухая нога». Если они ловят в воде — отправят обратно, если на суше — дадут визу.

Дора отчаянно посмотрела на него своими светло-зелеными глазами и спросила:

— Ты можешь мне помогать?

Оказалось, что у Доры с Раулем был план, который имел существенный недостаток — у них не было лодки. Использование лодок было ограничено, видимо, во избежание массового исхода во Флориду. Пунктами лодочного проката в Варадеро пользовались только иностранцы. Собственно, в этом и заключалась Митина роль. Он должен был арендовать лодку и пригнать ее в условленное место.

На обратном пути в Варадеро Митя думал о том, насколько должна быть несчастна эта девочка, чтобы решиться на такое путешествие. Митя

[1] Междометие для привлечения чьего-либо внимания, аналогично русскому «эй!».

всегда сочувствовал социалистам. Фотография Че стояла у него заставкой на ноутбуке. Он восхищался Фиделем Кастро. И оказавшись на Кубе, вспоминал свое советское детство с особой нежностью.

Если он поможет Доре, то признает поражение Че. Если не поможет — его поездка будет такой же обыкновенной, как и все остальные, из которых он привозил лишь фотографии и бутылку местного алкоголя.

Он выбрал первое.

Это была небольшая бухта на восточной стороне полуострова, спрятанная за каменным мысом. Туристов здесь не было — берег зарос кустами и был завален сухими пальмовыми ветками. Правда, автомобильная дорога проходила довольно близко к воде, но машины ездили редко, с интервалом в десять минут, да и в тех в основном сидели иностранцы.

Было решено, что Дора с Раулем будут ждать его здесь завтра в шесть. В это время солнце начинало садиться, побережье пустело, туристы расстекались по отелям и кабакам, и уже к семи все погружалось в сумерки.

Остаток дня все трое провели в пляжной подсобке Рауля. Они пили ром, и Рауль рассказывал истории об успешных побегах во Флориду. В числе прочего Митя узнал, что на Кубе существовал подпольный бизнес по организованной переправке в США. Место на таком катере стоило от трех до пяти тысяч долларов. Учитывая, что в среднем кубинец зарабатывал триста долларов в год, купить билет ему могли только американские родственники. Допускалась оплата в рассрочку, по прибытии в США или с последующей отработкой у кубинско-флоридской мафии.

Механизм перевозки был четко отлажен. Отъезжали из глухих мест южного побережья в районе Залива Свиней. Перевозчики договаривались с береговой службой, те устраивали для них окно, катер выходил в нейтральные воды, огибал остров с запада, а на американской стороне его встречала другая лодка.

Митя спросил, почему они не использовали этот вариант, и Рауль ответил, что богатых родственников у него нет, а гнуть на кого-то спину он

не собирался. В этой жизни всегда лучше рассчитывать на себя.

Они допили ром, и Рауль ушел. В щелях дощатой стены были видны звезды. Дора полулежала на куче спасательных жилетов и играла в игру, которую нашла в Митиной старой «Нокии». Телефон давно не держал заряд. Митя взял его вместо айфона, потому что был наслышан о воровстве. Но даже такие мобильники приводили кубинцев в восторг.

Митя отобрал у нее телефон. Дора было нахмурилась, но тут же понимающе улыбнулась и принялась стягивать с себя шорты. Он прижался к ее теплой коже, но его не оставляло чувство, что они не одни. Ему казалось, что снаружи кто-то ходит, шаркая по песку.

— Это ветер, — прошептала Дора. — Ты меня согревать?

— Какая погода будет завтра? — спросил Митя.

— Bueno, — сказала она с задумчивой улыбкой. — Muy bueno.

Но на утро погода испортилась. Дул ветер, на море появились волны.

Митя сидел на пляже, наблюдая за тем, как двое кубинцев волокли по песку тантамареску. На ней был изображен Че Гевара, приобнявший безголовое тело в военном мундире. Туристы могли просунуть в отверстие голову и сфотографироваться с команданте.

Куба приторговывала «свободой» точно так же, как Таиланд — трансвеститами. Революция стала главной туристической приманкой, а черный беретик а-ля Че — удобным сувениром, который не помнется в чемодане. А значит, Мите не о чем было жалеть.

В пять часов он отправился на лодочную станцию.

В будке проката никого не было, и Мите пришлось несколько раз крикнуть «Ола!», пока наконец в окошке не появился парень в синей футболке. Митя объяснил, что хочет взять напрокат лодку с мотором, но парень покачал головой:

— Импосибле! Темпораль...

Митя решил, что он беспокоится о времени, и как мог объяснил, что хочет самых невинных туристических радостей — немного понырять с маской и поснимать подводный мир. Он даже пообещал, что вернется раньше чем через час и заплатит сверху. Но тот только продолжал повторять: «Импосибле, темпораль...»

Удивляясь собственному упорству, Митя достал свою «Нокию» и положил перед кубинцем.

— Куба и Русия — амигос, — сказал Митя.

Через две минуты он сидел в посудине, к корме которой был приделан мотор с полустертой надписью «Ветерок-12». Служащий объяснил, как управляться с лодкой. Митя немного отгреб от берега и завел мотор.

Дора с Раулем уже были на месте. Рядом с ними стояли два огромных пакета с бутылями, наполненными бензином.

На небе, которое еще полчаса назад было чистым, появились тучи. Ветер усилился.

Рауль погрузил пакеты в лодку, забрался в нее сам, устраивая между сиденьями высокие колени.

Дора прижалась к Мите. Она была гибкая и упругая, как дельфин, с которым Митя однажды плавал в тайском дельфинарии.

— Ты очень добрый человек, — сказала она, приложив руку к сердцу.

И Митя почувствовал неполноту этой прощальной сцены, как будто он расставался с любовью, которая не успела наступить.

Дора быстро поцеловала его и прыгнула в лодку. Лодка сильно качнулась, Рауль подхватил девушку. Его длинные черные кисти оказались прямо на ее груди, но ее это не смутило. Она обняла Рауля за шею, и он усадил ее в лодку. Их прикосновения были будничными, неосознанными. И тут до Мити дошло — они были любовниками!

Он вспомнил, каким привычным жестом они передавали друг другу сигару изо рта в рот, и тот ленивый хозяйский взгляд, которым смотрел на нее Рауль. Все было подстроено с самого начала. С самого первого дня.

Они знали про шторм. Кому как не Раулю было знать о погоде — ведь это он выставлял на пляже сигнальный флаг о запрете купаний. Шторм был их добрым попутчиком, притуплявшим бдительность пограничников.

Словно в подтверждение его догадки, Рауль криво улыбнулся, завел мотор, и лодка рванула вперед. Дора не обернулась.

Небо стремительно потемнело, полил дождь.

Митя выкарабкался на дорогу. Его одежда моментально промокла насквозь. Поднятый ветром песок больно жалил мокрую кожу. Около получаса он шел в полной темноте по проезжей части. Иногда вдоль дороги попадались одноэтажные бетонные домики. В окнах было темно. В пустых патио неистово раскачивались кресла-качалки, как будто в них сидели обезумевшие невидимки.

Наконец Митя заметил слабый свет. Это было кафе. На двери висела табличка «Cerrado»[1], но за сдвинутыми столами сидело несколько мужчин.

У одного из них была гитара.

Митя вошел в полуоткрытую дверь, чуть не поскользнувшись на раздавленной намокшей сигаре.

— Хей, алеман[2]! — крикнул тот, что с гитарой.

И все засмеялись. Зубы у них были белые, но кривые.

— I'd like to drink something... — сказал Митя.

— Садись! — ответил по-русски гитарист.

Он крикнул старику у бара, и тот принес Мите полный стакан рома и тарелку жареных бобов.

— Я Серхио, — сказал гитарист. — Я был в «Артеке».

— Я тоже, — сказал Митя, и они пожали друг другу руки.

Серхио провел ногтем по струнам и сказал:

— Руса песня. Тебе понравится.

Он взял несколько пробных аккордов и запел «Катюшу». А его сосед достал погремушку из тыквы и стал трясти ею в такт.

От самодельной погремушки, от этой вымершей давным-давно песни, которую по какому-то недоразумению истории знал кубинец, Мите стало совсем тоскливо. Он допил ром, отобрал у Серхио гитару и спел песню Макаревича, которую помнил еще со студенчества, — «Он был старше ее, она была хороша...».

Кубинцы слушали внимательно, а когда Митя закончил, Серхио спросил:

— О чем твоя песня?

— О любви и смерти, — сказал он.

Серхио перевел остальным, и кубинцы с уважением переглянулись. Когда Митя вышел из кафе, море еще бушевало. Берег слился с морем, а море с небом. Ночь была черная-черная. Не было видно ничего вокруг. И Митя вдруг почувствовал себя таким одиноким, как будто был последним живым организмом на Земле.

Утром, когда он спустился из номера в фойе, его ждали двое —полицейский и переводчик.

Митя рассказал им легенду о том, как попал в шторм, как перевернуло лодку и как ему пришлось вплавь добираться до берега. Он был совершенно спокоен.

— Где именно вы оказались? Можете назвать место? — спросил переводчик.

— Недалеко было кафе. Не помню названия, но смогу показать. Там еще был Серхио, он играл на гитаре. Мы выпили, я вернулся в отель и заснул.

Переводчик передал его слова полицейскому, и тот улыбнулся:

— А, Серхио!

— Вы должны были заявить в полицию, — упрекнул переводчик.

— Я не успел. Я был в состоянии стресса. Мне очень жаль, что так вышло с лодкой. Ее не нашли?

Переводчик посмотрел на Митю долгим испытующим взглядом, затем немного посовещался с полицейским, и тот протянул Мите паспорт.

— Вам завтра улетать, — сказал переводчик. — Buen viaje[3]!

Самолет поднялся над Гаваной, открывая обзору весь остров — темно-зеленое пятно на слепящем полотне воды. Через несколько минут показались очертания Флориды. У берега плотным рядком стояли белые яхты, за ними следовала полоска пляжа, усыпанная цветными точками зонтиков, зеленые прямоугольники газонов, голубые бассейны, похожие на фасолины. И Митя мысленно пожелал Доре, чтобы она добралась до этого места.

Самолет поднялся выше, над розовыми облаками, подсвеченными солнцем. Краски в иллюминаторе были почти такими же яркими, как в путеводителях, но все-таки уступали им.

---

[1] Закрыто (исп.).

[2] Aleman (исп.) — немец. На Кубе так называют всех белокожих европейцев.

[3] Счастливого пути! (исп.)